

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 52—78.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 52—78.

Научная статья

УДК 94(4)"1924/1925"

DOI: 10.46725/IW.2023.1.3

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ» ВО ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1920-е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ИТОГИ

Искандэр Эдуардович Магадеев

Московский государственный институт (университет) международных отношений, Москва, Россия, iskander2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Аннотация. Цель статьи — выявить ключевые компоненты «интеллектуальной демобилизации» в отношениях Франции и Германии в 1920-е гг. Автор стремится обозначить основные этапы данного процесса, выделить инструменты и механизмы его реализации, дать краткую оценку итогов и достигнутых результатов к концу отмеченного периода. Под «интеллектуальной демобилизацией» понимается совокупность обстоятельств, связанных с деятельностью общественных, культурных, лоббистских организаций, СМИ и ассоциаций интеллектуалов двух стран, нацеленных на смягчение уровня взаимной вражды и неприятия между обществами стран-противниц. Учитывая начальный уровень изученности поставленных вопросов в российской историографии, автор стремится обозначить общие рамки и основные аспекты затронутой темы в надежде на более подробную разработку ее отдельных аспектов в дальнейшем. По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что процесс «интеллектуальной демобилизации» во франко-германских отношениях развивался в 1920-е гг. нелинейным образом. Попытки примирения с противником были относительно редкими в первые послевоенные годы. Доминирующим оставалось представление о взаимной враждебности французов и немцев, о мстительности первых, ставших победителями в войне, и о сохранявшейся агрессивности вторых, потерпевших поражение, но не готовых нести бремя ответственности. Рубежом стали события 1924—1925 гг., ознаменованные попыткой

примирения Парижа и Берлина после Рурского кризиса. Попыткой, которая была зафиксирована в итоге в Локарнских соглашениях. Развитие официальных контактов придало новый импульс деятельности интеллектуалов двух стран, однако к началу 1930-х гг. итоги их взаимодействия оставались противоречивыми, а перспективы сотрудничества внушали определенную тревогу. Можно констатировать, что если попытки по достижению «интеллектуальной демобилизации» и примирению между Францией и Германией после 1918 г. и не были обречены, то достигнутые к концу первого послевоенного десятилетия результаты отличались хрупкостью, а потенциал для их дальнейшего развития оставался ограниченным.

Ключевые слова: Франция, Германия, интеллектуалы, примирение, 1920-е годы, Мецгер, Граугофф, Ратенау, Жид, Дежарден, Санье

Для цитирования: Магадеев И. Э. «Интеллектуальная демобилизация» во франко-германских отношениях в 1920-е гг.: основные этапы, инструменты реализации, итоги // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 52—78.

Original article

“INTELLECTUAL DEMOBILISATION” IN THE FRANCO-GERMAN RELATIONS OF THE 1920S: PHASES, INSTRUMENTS AND RESULTS

Iskander E. Magadeev

Moscow state institute (university) of international relations,
Moscow, Russia, iskander2017@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Abstract. The article aims to define the key elements of the “intellectual demobilisation” in the Franco-German relations of the 1920s. The author proposes his version of the chronology of this process, demonstrates the essential means of the “intellectual demobilisation” and the forms of its realisation, finally, he gives a brief estimate of the results achieved by the end of the first post-WWI decade. By the “intellectual demobilisation”, this article conceives the variety of factors and circumstances linked to the activity of the social, cultural, lobbying organisations, the media, the intellectual associations aimed to lessen the level of mutual animosity and hostility between

the French and German societies. Taking into account the paucity of the Russian historical research on this theme, the author tries to define the framework for the more detailed studies in the future. The research concludes that the process of “intellectual demobilisation” in the Franco-German relations of the 1920s developed in the non-linear way. The attempts of reconciliation were rather rare in the first post-WWI years. The perception of the mutual hostility between the French and the Germans dominated. The first ones, as the victors in the First World war, were regarded as revengeful, while the second ones, as the defeated side, were perceived as remaining aggressive and not prepared to bear the burden of the responsibility. The events of 1924—1925 which were marked by the efforts of the rapprochement between Paris and Berlin after the Ruhr crisis and culminated in the Locarno treaties, were critical. As the official contacts became warmer, the activities of French and German intellectuals received a new impulse. Nevertheless, by the beginning of the 1930s, the results of this process were contradictory, and the perspectives gave ground for anxiety. It is possible to notice that, even if the attempts to organise the “intellectual demobilisation” between France and Germany after 1918 were not doomed, by the end of the first post-WWI decade, their fruits were fragile, and the potential for further development was limited.

Keywords: France, Germany, intellectuals, reconciliation, 1920s, Metzger, Grautoff, Rathenau, Gide, Desjardins, Sangnier

For citation: Magadeev, I. E. (2023), ‘“Intellectual demobilisation” in the Franco-German relations of the 1920s: phases, instruments and results’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 52—78 (in Russ.).

Введение

Постановка вопроса. Проблематика «выхода из войны» как комплексного социально-политического, экономического и культурного процесса достаточно активно разрабатывается в современной историографии. Примеры Первой и Второй мировой войны, а также периодов, последовавших за ними, были одними из ключевых в этом отношении [Sorties de guerre, 2007]. Сама постановка вопроса о «выходе из войны» как о продолжительном процессе, длившемся и после официального завершения боевых действий, проблематизировала устоявшиеся хронологические рамки вооруженных конфликтов, позволяла продемонстрировать, как их «тень» годами и даже десятилетиями лежала на отношениях стран-противниц [Les sorties de guerre, 2016].

Актуальность. Пример отношений Франции и Германии, чья многовековая «наследственная вражда» берет свое начало еще «в эпохе раннего Нового времени» [Лазарева, 2018: 60], представляется релевантным для изучения вопроса о том, какую роль играли интеллектуалы в попытках преодоления прошлых противоречий между странами, каково было значение их деятельности для построения взаимодействия между государствами-антагонистами на новых началах. Учитывая текущую международную напряженность, поставленные вопросы представляются актуальными для анализа и прогнозирования схожих процессов в XXI в.

Краткая историография проблемы. Вопрос о роли, сыгравенной в 1920-е гг. различными общественно-политическими и бизнес-организациями, а также ассоциациями интеллектуалов в попытках преодолеть прошлые франко-германские противоречия, весьма подробно разрабатывался в зарубежной историографии [Gorguet, 1999; Lorrain, 1999; Passman, 2008a]. Вместе с тем указанная проблематика, за исключением отдельных аспектов (прежде всего связанных с проевропейскими движениями и деятельностью австрийского графа Р. Н. фон Куденхове-Калерги) [Громова, 2007; Кораблева, 2009], оставалась за пределами пристального внимания отечественных исследователей. Учитывая начальный уровень изученности поставленных вопросов в российской историографии, автор стремится обозначить общие рамки и основные аспекты затронутой темы в надежде на более подробную разработку ее отдельных аспектов в дальнейшем.

Цель и задачи. Цель статьи — выявить ключевые компоненты «интеллектуальной демобилизации» в отношениях Франции и Германии в 1920-е гг. Автор стремится обозначить основные этапы данного процесса, выделить инструменты и механизмы его реализации, дать краткую оценку итогов и достигнутых результатов к концу отмеченного периода.

Методология исследования

Под «интеллектуальной демобилизацией» в настоящей статье понимается совокупность обстоятельств, связанных с деятельностью общественных, культурных, лоббистских организаций, СМИ и ассоциаций интеллектуалов Франции и Германии,

нацеленных на смягчение уровня взаимной вражды и неприятия между обществами стран-противниц. Подчас указанные виды деятельности в специальных исследованиях обозначаются как «гражданский активизм», дабы отличить их от усилий официальной дипломатии [Passman, 2008b].

Безусловно, процесс «интеллектуальной демобилизации» выходил далеко за пределы деятельности собственно интеллектуалов. Однако на те организации, в которые последние были активно вовлечены, в статье будет обращено повышенное внимание. При этом усилия интеллектуалов будут соотнесены с деятельностью официальных властей Франции и Германии, отмеченной после 1925 г. попытками примирения («дух Локарно»). Эти попытки ассоциировались, прежде всего, с деятельностью министров иностранных дел двух стран — А. Бриана и Г. Штрэземана [Knipping, 1987].

Основная часть

Этапы «интеллектуальной демобилизации» во франко-германских отношениях

Процесс «интеллектуальной демобилизации» во взаимодействии Франции и Германии в первое десятилетие после окончания Первой мировой войны коррелировал с динамикой развития межгосударственных отношений Парижа и Берлина. Вместе с тем эти два процесса не были полностью идентичными, а их корреляция не была стопроцентной.

Все же, если пытаться наметить хронологические этапы «интеллектуальной демобилизации», то их рубежи будут близки к вехам, хорошо знакомым из истории международных отношений. С точки зрения автора, представляется возможным выделить три основных этапа: 1) 1919—1923 гг.; 2) 1923—1925/1926 гг.; 3) 1925/1926—1930/1931 гг.

Первые попытки примирения

На первом этапе, начавшемся с подписания Версальского мирного договора и завершившемся Рурским кризисом, который был ознаменован вводом франко-бельгийских войск в Рур, проявления «интеллектуальной демобилизации» были заметны в наименьшей

степени за все первое послевоенное десятилетие. Напротив, своеобразное «эхо» войны и наследие взаимной враждебности во франко-германских отношениях были очевидны. В том числе, они находили свое отражение на страницах печатных трудов и в практической деятельности ряда интеллектуалов двух стран.

Примечательным, например, был более или менее выраженный антигерманский настрой некоторых публикаций журнала «Новая Европа» (*«L'Europe nouvelle»*) — одного из рупоров французского европеизма. Журнал был создан в январе 1918 г. Л. Вайс — журналисткой, активисткой феминистского движения и «бабушкой Европы», как называл ее канцлер ФРГ Г. Шмидт в 1979 г. [Fine, 1997: viii]. На протяжении своей долгой жизни она выступала сторонницей европейской интеграции, однако ее позиции по конкретным аспектам данного проекта эволюционировали. Если в мемуарах, опубликованных в 1968—1970 гг., Вайс стремилась предстать твердой сторонницей франко-германского примирения и сотрудничества, то в начале 1920-х гг. основанный ею журнал был «скорее англофильским, нежели германофильским» [Reytier, 2011: 35].

Тогдашние представления Вайс о способах выстраивания стабильности в Европе были близки к рецептам, предлагаемым официальной дипломатией Третьей Республики. Руководство Франции продолжало относиться к Германии с большим подозрением и стремилось создать разнообразные барьеры на пути возможной новой экспансии со стороны Берлина. Вайс, например, позитивно отзывалась о попытках добиться примирения стран-наследниц Австро-Венгерской империи, способных создать преграду на пути германского экспансионаизма. Она поддерживала усилия генерального секретаря МИД Франции Ф. Бертело добиться укрепления в этих странах «нашего миролюбивого и конструктивного влияния» [Weiss, 1921: 876].

Другой пример, который отражал сохранявшееся в начале 1920-х гг. наследие отнюдь не преодоленной вражды между французскими и немецкими интеллектуалами, касался ситуации в Международном научно-исследовательском совете (International Research Council). Он был образован в июле 1919 г. и заменил дооценную Международную ассоциацию академий, объединявшую национальные научные учреждения. В первые годы своей

деятельности Исполнительный комитет совета, в который, среди прочих, входил математик и постоянный секретарь Французской Академии наук Э. Пикар, отстаивал идею бойкота и отказа от сотрудничества с научными организациями из стран-противниц Антанты в годы войны. Даже в июле 1925 г., на третьем заседании Ассамблеи совета, Пикар, потерявший на войне троих детей (двух сыновей и дочь), продолжал говорить о предполагаемом фундаментальном противоречии между менталитетом ученых из стран Антанты и бывших Центральных держав, о невозможности доверять последним [Schroeder-Gudehus, 2014: 146]. Из первых послевоенных научных мероприятий, организованных Международным научно-исследовательским советом, «составлявших $\frac{3}{4}$ от [научных] международных конгрессов во всем мире, были исключены немцы, а немецкий язык, базовый для ряда дисциплин в довоенный период, не принимался больше в качестве средства международной научной коммуникации. Ни одно [научное] международное мероприятие не должно было отныне проходить по ту сторону Рейна» [Rasmussen, 2007: 4].

Все же отдельные призывы к преодолению прошлой вражды, к выстраиванию диалога и конструктивного взаимодействия раздавались по обе стороны от Рейна вскоре после окончания Первой мировой войны. Так, в январе 1922 г. французский философ П. Дежарден, глава общественной организации «Союз за правду», образованной еще в 1906 г. на излете «дела Дрейфуса», выступил с инициативой возобновить довоенную практику публичных дискуссий между видными французскими и немецкими интеллектуалами по актуальным проблемам современности. Его призыв, обращенный, в том числе, к писателям Г. Манну и А. Жиду, привел к серии мероприятий — так называемым декадам Понтиньи, названным по месту их проведения (территория бывшего аббатства Понтиньи, выкупленная Дежарденом). Они продолжались до 1939 г. [Bock, 2010: 46—47]. Дежарден, имевший тесные связи с рядом французских социалистов, в том числе А. Тома, называл встречи в Понтиньи «зародышем будущей Европы» [Racine, Trebitsch, 1994: 35].

Призывы к франко-германскому примирению, воспринимавшемуся как основа для более широкой европейской интеграции, раздавались как с правого фланга общественно-политической

жизни, так и слева. Говоря об импульсах, исходивших справа, можно отметить, например, активность консервативных австрийских деятелей: во-первых, К. А. Рогана, который в 1922 г. основал организацию «Европейский культурный союз», ставший предшественником Международной организации интеллектуальных союзов (1924); во-вторых, графа Р. Н. фон Куденхове-Калерги, выпустившего в 1923 г. свой манифест «Пан-Европа» [Passman, 2008b: 102]. Говоря об инициативах, которые исходили от деятелей, стоявших левее, можно упомянуть взаимодействие французской и немецкой лиг по защите прав человека. Их совместная инициатива лежала в основе образования в 1922 г. Международной федерации за права человека, существующей поныне.

Своего рода прологом к образованию указанной федерации стали важные визиты: во-первых, визит в Париж в январе 1922 г. немецкой делегации во главе с политиком и журналистом Г. фон Герлахом, председателем Союза за новое Отечество, трансформировавшегося в германскую Лигу по защите прав человека; во-вторых, визит делегации французской Лиги во главе с политиком Ф. Бюиссоном в Берлин в июне 1922 г. [Gorguet, 1999: 23—25]. Совместно подписанное в Париже «Воззвание к двум демократиям» наметило программу примирения двух стран. Среди ее основных пунктов: восстановление Германией ущерба, принесенного Франции во время военных действий; активизация контактов между народами; откладывание вопроса об ответственности за Первую мировую войну до открытия архивов и беспристрастного исследования. Среди подписантов воззвания доминировали деятели левой политической ориентации: в их списке значился ряд французских левых депутатов, а также Э. Бернштейн, К. Каутский, А. Эйнштейн и другие [Guieu, 2016: 29—30].

Вместе с тем говорить о полном взаимопонимании между французскими и немецкими подписантами воззвания было сложно. Г. фон Герлах, известный пацифистской позицией еще во время войны, а затем неоднократно получавший угрозы от немецких националистов, был недоволен напористостью официального Парижа. В декабре 1922 г., выступая на заседании Центрального комитета германской Лиги по защите прав человека, Герлах предупреждал, что возможная французская оккупация Рура поспособствует росту германского национализма. С его точки зрения, «примирение

между двумя народами должно сопровождаться отказом от применения каких-либо санкций военного характера» [Ingram, 2019: 127]. В июне 1922 г., накануне запланированной совместно с Герлахом поездки в Париж, Эйнштейн также считал, что французская сторона не проявляет достаточного стремления к примирению. В письме от 6 июня, адресованном Герлаху, ученый с сожалением констатировал, что «ни [французский математик и государственный деятель Поль] Пенлеве, ни кто-либо из других известных представителей французского научного мира не будет присутствовать». В связи с этим Эйнштейн решил отменить одну из своих речей, в которой планировалось поприветствовать французских ученых [The Collected Papers, 2012: 180].

Ряд религиозных деятелей и сторонников христианско-демократических ценностей по обе стороны Рейна также выступал с идеями франко-германского примирения уже в начале 1920-х гг. Французский публицист и политик М. Санье, отстаивавший ценности в духе «социального католицизма» и возглавлявший партию «Лига молодой республики», выступил в декабре 1921 г. организатором Международного демократического конгресса в Париже.

Мероприятие, собравшее представителей от 21 страны (в том числе девять немцев и трех австрийцев), проходило под лозунгами примирения народов и «морального разоружения». С одной стороны, созыв конгресса символизировал следование Санье тем идеям, которые он отстаивал даже в годы Первой мировой войны, проходя службу младшим офицером. Однако, с другой стороны, в воззрениях Санье произошла определенная «интеллектуальная демобилизация». В лекциях, которые он читал французским солдатам в марте — апреле 1918 г., прослеживалась дорогая для него мысль о противопоставлении немецких республиканцев, католиков и демократов прусскому офицерству. Вместе с тем в тех же выступлениях Санье проводил указанную дифференциацию отнюдь не всегда, занимая подчас выраженную антигерманскую позицию. Он клеймил «германскую теорию силы», отказ Германии от соблюдения международного права, немецкие доктрины, «которые привели к преступлениям, из-за которых современный мир залит кровью» [Barry, 2005: 182].

Жест Санье, предоставивший в декабре 1921 г. право завершить конгресс немецкому католическому священнику, отцу

М. Й. Мецгеру, должен был иметь символическое значение: «Это был первый случай, когда немец публично выступил в Париже, начиная с 1914 г.» [Prat, 2010: 3]. Если значительная часть ряных французских католиков, близких к националистическому и крайнеправому спектру, выступала оппонентами примирения с Германией, то в Веймарской республике ситуация во многом была обратной. Немецкие католики более активно, чем протестанты, были вовлечены в усилия по нормализации отношений с соседом по Рейну [Passman, 2008b: 103].

В начале 1920-х гг. также имели место попытки «интеллектуальной демобилизации» на основе апеллирования к общечеловеческим принципам, гуманизму и человеческому состраданию. Причем особую роль на этом направлении играли женские организации, которые, как подчеркивала одна из видных деятелей французского пацифистского движения А. Жув, стремились дистанцироваться от традиционных политических партий [Vellacott, 1993: 40]. Жув получила известность как активистка французского комитета Международной женской лиги за мир и свободу, основанной в 1915 г. и реорганизованной в 1919 г. Она выступала против идеи о единоличной ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны, критиковала тезисы в духе «боши заплатят» и полагала, что путь к примирению лежит через взаимные уступки и активизацию контактов низовых гражданских (в том числе женских) организаций [Doucet, 2018: 49—50].

О желании навести мосты с немецким комитетом Международной женской лиги за мир и свободу также говорила поездка другой французской активистки, Г. Дюшен, в Штутгарт в 1920 г. по приглашению видного члена немецкого женского движения Л. Г. Хейман [Bard, 2011: 204]. Их сотрудничество продолжилось в дальнейшем и приняло, например, форму выдвижения совместной «экстренной резолюции» на конгрессе Международной женской лиги за мир и свободу (1—7 мая 1924 г.). Резолюция была обращена к правительствам Франции и Германии и призывала их к скорейшему разрешению Рурского кризиса и преодолению его последствий [Women's International League, 1924: 4].

От Рурского кризиса к Локарно: пути и перепутья «интеллектуальной демобилизации»

Рурский кризис 1923 г., поставивший Францию и Германию, да и всю Европу на грань нового вооруженного конфликта, продемонстрировал явное расхождение между официальным Парижем, с одной стороны, и рядом организаций, призывавших к «интеллектуальной демобилизации» и примирению, с другой. Глава политического отдела журнала «Новая Европа», англофил Ф. Милле, продолжал отстаивать идеи долгосрочного ослабления Германии, близкие к рецептам, предлагавшимся правым правительством Р. Пуанкаре. Милле не исключал навязывания Берлину обширных платежей по репарациям (свыше 3 млрд марок ежегодно в течение 30—35 лет), установления постоянного международного контроля над Рейнской областью, передачи угольных шахт Саара в вечное пользование Франции [Millet, 1923].

Однако значительная часть интеллектуалов отреагировала на Рурский кризис (особенно по мере его затягивания и углубления) совсем иначе. События 1923 г. продемонстрировали, что динамика развития настроений интеллектуалов, с одной стороны, и официального взаимодействия Парижа и Берлина, с другой, совпадала не во всем.

Особая активность в попытках навести мосты и проявить солидарность между французским и немецким социумами в условиях Рурского кризиса наблюдалась среди представителей левого и левоцентристского спектров общественно-политической жизни двух стран. Тема противодействия «рурскому преступлению и военной угрозе» активно обсуждалась на международной конференции компартий и революционных профсоюзов во Франкфурте-на-Майне (15—18 марта 1923 г.). На ней были сформированы международные профсоюзные органы, стремившиеся сорвать французские действия в Руре, а также международный комитет во главе с немецкой коммунисткой К. Цеткин и французским писателем А. Барбюсом, ставшим членом Коммунистической партии Франции незадолго до этого. В обращении, принятом на конференции, тема солидарности рабочих Германии, Франции, Бельгии и других стран соседствовала с критикой предполагаемого сговора германских «патриотов-процентщиков»

и «французского капитала» [Советско-германские отношения, 1977: 137—140].

Усилия по сближению французского и германских социумов, символически противопоставленных политике официальных властей, предпринимали не только коммунисты. Примечательным было решение М. Санье организовать в августе 1923 г., в разгар Рурского кризиса, 3-й съезд провозглашенного им Демократического интернационала именно на территории Германии (в г. Фрайбург-им-Брайсгау). Съезд прошел под знаком поиска выходов из кризиса и был ознаменован символической «жертвой ради примирения». Немецкие женщины, делегаты съезда, передали французским представителям драгоценности, демонстрируя готовность идти на жертвы ради восстановления разрушенных департаментов северо-востока Франции [Guieu, 2016: 30—31].

В ходе Рурского кризиса призывы к примирению со стороны женских организаций двух стран, действительно, стали звучать громче. Как правило, они апеллировали к общегуманистическим ценностям, но де-факто стремились донести и очевидный политический месседж в виде необходимости прекратить эскалацию насилия. Так, в 1923 г. французская секция Международной женской лиги за мир и свободу организовала специальный Комитет помощи детям Рура, занимавшийся в том числе финансированием программ продовольственной помощи. Комитет должен был стать своего рода ответом на программу «Жертва ради примирения», запущенную немецким комитетом той же международной организации во главе с Г. Баэр в 1922 г. Тогда, «на фоне разногласий французского и немецкого правительств по вопросам reparаций, группа немецких пацифистов предложила построить “Дом примирения” на севере Франции — регионе, наиболее затронутом [Первой мировой] войной» (в итоге от проекта пришлось отказаться из-за финансовых затруднений) [Doucet, 2018: 50]. Для Баэр, преподавательницы по профессии, цель франко-германского примирения была неразрывно связана с темами образования и молодежи, которые она акцентировала, возглавляя немецкий комитет Международной женской лиги за мир и свободу. С точки зрения Баэр, «мир в Европе зависит от франко-германского примирения, а это примирение, в свою очередь, зависит от молодых» [Kuhlman, 2008: 124].

К весне 1924 г., на фоне растущего разочарования в итогах политики Пуанкаре, постепенного затухания Рурского кризиса и приближавшихся выборов в Палату депутатов Третьей Республики, пацифистские настроения во Франции стали нарастать. Победа на выборах предвыборной коалиции «Картель левых» (партия радикалов и партия социалистов) стала триумфом не только указанных политических сил, но и пацифизма.

О меняющемся общественном и интеллектуальном климате в 1924 г. свидетельствовали и гражданские демарши. К таким можно отнести, например, призыв со стороны региональных подразделений влиятельного Национального профсоюза учителей Франции, потребовавшего от издательских домов отказаться от учебников, которые были проникнуты националистической риторикой. Об относительной успешности подобных действий косвенно говорило исчезновение из большинства учебников начиная с 1926 г. терминов «бош» и «гунн» применительно к немцам [Siegel, 2004: 125, 132].

Таким образом, отдельные интеллектуальные инициативы вписывались в контекст осторожных попыток франко-германского примирения и дополняли тот «путь в Локарно», который в 1925 г. прошли официальный Париж и Берлин. Более того, интеллектуальные усилия по сближению и лучшему взаимопониманию должны были стимулировать дальнейшие официальные шаги по примирению и обеспечить этому процессу определенную «глубину», заложить фундамент для его долговременного развития [Lorrain, 1999: 221]. Развитие молодежных и студенческих организаций, ставивших задачу франко-германского сближения в качестве одной из приоритетных, давало в этом смысле определенную надежду. Республиканская и социалистическая лига университетского действия, образованная французскими студентами левых и левоцентристских убеждений в 1924 г., стала одной из влиятельных площадок для контактов между французской и немецкой молодежью [Naquet, 1990]. Наряду с известным в будущем политиком и государственным деятелем П. Мендес-Франсом, среди первых лидеров лиги выделялся Ж. А. Шваб — племянник промышленника А. Ситроена и будущий деятель партии радикалов.

«Интеллектуальное Локарно»: от истоков до постепенного затухания

Локарнскую дипломатию А. Бриана и Г. Штреземана переживала во второй половине 1920-х гг. свои взлеты и падения. «Интеллектуальная демобилизация», подкреплявшая и стимулировавшая попытки франко-германского примирения, также развивалась непросто. Безусловно, по сравнению с первыми послевоенными годами речь шла о небывалом всплеске взаимных контактов и совместных инициатив. Являясь в той или иной степени увязанными с «эрой Локарно», действия интеллектуалов двух стран вместе с тем не были полностью подчинены официальной дипломатии, а сама их активность реализовывалась не централизованно, а через сеть организаций и групп. Последние, как правило, имели друг с другом различные горизонтальные связи, подчас наблюдалась и система своеобразного «перекрестного» членства.

Среди общественно-культурных организаций, отчасти претендовавших на статус «головных» в деле франко-германской «интеллектуальной демобилизации» в «эпоху Локарно», можно выделить две. Во-первых, франко-германское общество, основанное в Берлине в январе 1928 г. во главе с искусствоведом и критиком О. Граутоффом [Bock, 2005]; во-вторых, лигу немецких исследований, образованную во французском Сансे в апреле того же года и возглавленную филологом А. Робине де Клери [Bock, 1994].

Два общества, находившиеся в плотном контакте друг с другом, практиковали «перекрестное» членство в печатных органах, связанных с ними: в «Немецко-французском обозрении» («Deutsch-französische Rundschau») и «Журнале о Германии и немецкоязычных странах» («Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande») соответственно. О. Граутофф входил в редакционный совет франкоязычного журнала, а главный редактор последнего, филолог М. Буше, — в редакционный совет «Немецко-французского обозрения» [Passman, 2008b: 108]. Вместе с тем организации не были полностью равны. За пять лет существования максимальная численность членов Франко-германского общества доходила до 27 тыс. человек, в то время как Лига немецких исследований насчитывала только 3—4 тыс. членов [Gieu, 2016: 37].

Одним из ключевых направлений деятельности Граутоффа, специалиста по творчеству Н. Пуссена и О. Родена, стало воссоздание сети разорванных войной научно-культурных контактов между Францией и Германией,. Болезненно переживая в начале 1920-х гг. разрыв прошлых связей, в том числе с писателем Р. Ролланом, который стал относиться к бывшему коллеге с подозрением, Граутофф во второй половине десятилетия стремился восстановить былые знакомства, в том числе используя свои не плохие связи в МИД Германии. Научно-культурные и общественно-политические компоненты его деятельности были плотно увязаны друг с другом [Bock, 2005].

Проведение Парижем и Берлином Локарнской политики дало очевидный импульс различным гражданским инициативам; последние, в свою очередь, подкрепляли дипломатические усилия и были призваны зафиксировать их результаты в долгосрочной перспективе.

Приведем лишь несколько примеров. Своеобразным «эхом» Локарнской политики в научном мире стали решения Международного научно-исследовательского совета, принятые летом 1926 г. «Под политическим давлением», как отмечает исследовательница вопроса, совет «отменил положение об исключении научных учреждений бывших стран-противниц и пригласил немецкие академии присоединиться к организации» [Rasmussen, 2007: 6—7].

Стремление отойти от воинственно-националистической риторики, характерной для довоенных учебников в системе среднего образования, было заметно среди членов Национального профсоюза учителей Франции. Так, в мае 1929 г. от его имени было отправлено письмо в крупное издательство «Арман Колен», в котором содержалось настойчивое требование пересмотреть школьные учебники по истории с учетом «твердого пацифизма» учительского корпуса. В противном случае, говорилось в письме, «мы сочтем необходимым рекомендовать нашим коллегам использовать лишь те учебники, которые проникнуты духом правды и непредвзятости», и соотносятся «с всеобщей волей учителей работать на пользу мира» [Siegel, 2004: 132].

О своеобразном «кумулятивном» эффекте, при котором различные инициативы в «духе Локарно» подкрепляли одна другую,

говорил пример Франко-германского комитета информации и документации. Данная организация была образована в мае 1926 г. по инициативе крупного люксембургского промышленника Э. Майриша, стремившегося сыграть роль посредника в процессе картелизации французских и немецких metallurgических компаний. Комитет был призван стать площадкой для обмена мнениями и информацией между бизнес- и интеллектуальными элитами двух стран.

Нередко действуя как лоббистская бизнес-организация, Комитет Майриша стремился одновременно поспособствовать активизации культурно-образовательных контактов между Францией и Германией. Особенную активность на этом направлении проявляло берлинское бюро комитета во главе с французом П. Вьено, ветераном Первой мировой войны и бывшим помощником французского генерального резидента в Марокко маршала Ю. Лиотэ. Казалось бы, прошлая деятельность не готовила Вьено к делу франко-германского сближения, однако это было не совсем так. Опыт культурного влияния Франции и взаимодействия с местным населением в Марокко стимулировал Вьено акцентировать факторы культурного взаимодействия, необходимость понимания другой стороны для оказания на нее влияния. С его точки зрения, сеть различных взаимодействий между элитами Франции и Германии, формирование системы взаимопонимания между ними могли иметь прямые политические последствия, повысив уровень безопасности каждого из «соседей по Рейну» [Müller, 2005].

На посту главы берлинского бюро Комитета Майриша Вьено, среди прочего, занимался распределением стипендий, которые семья Майришей выделяла для французских студентов, дабы те могли съездить на учебную стажировку в Германию и наоборот [Pierre Bertaux, 2001: 184]. Он также организовывал «перекрестные» поездки представителей бизнес- и интеллектуальных элит двух стран. Весной 1928 г. Вьено и его берлинское бюро «находились в зените славы. Даже посольство Франции завидовало его контактам в немецком обществе и политических кругах, а также успехам в качестве посредника» [Müller, 2005: 62].

Деятельность Комитета Майриша была дополнена и личными усилиями супруги люксембургского бизнесмена, А. Майриш де Сент-Юбер. Еще в сентябре 1920 г. она организовала

в люксембургском замке Кольпах, где проживала семья Майриш, встречу между А. Жидом и германским государственным деятелем В. Ратенау [Chaubet, 2000: 109]. В последующем подобные дискуссии стали регулярными, что позволяло современникам говорить о «кружке Кольпах», подразумевая под ним относительно сплоченный, хотя и менявшийся по личному составу круг участников. Среди них были видные представители политических, бизнес- и интеллектуальных элит Франции, Германии и других стран. Помимо упоминавшихся В. Ратенау и А. Жида, можно назвать Р. Н. фон Куденхове-Калерги, писателей П. Клоделя и А. Кольб, бельгийского художника Т. ван Рейссельберге, ученого П. Ланжевена и многих других. Примечательно, что ряд членов «кружка Кольпах» (например, немецкий филолог, поклонник французской литературы и ветеран Первой мировой войны Э. Р. Курциус, входивший к тому же в состав Комитета Майриша) одновременно участвовал в декадах Понтиньи [Wilhelm, 2010: 216].

Представления членов «кружка Кольпах» о механизмах и способах осуществления франко-германского сближения не были идентичными. Для Ратенау, крупного политика и бизнесмена, одного из организаторов военной экономики Германии, одной из основ примирения с «соседом по Рейну» была активизация торгово-экономических связей и создание системы взаимодействия крупного бизнеса двух стран. Примером такого подхода стали франко-германские Висбаденские соглашения, подписанные В. Ратенау и французским политиком и бизнесменом Л. Лушёром 6—7 октября 1921 г. В итоге нереализованные, они предполагали решение проблемы германских reparаций для Франции на базе растущего взаимодействия французских фирм-импортеров и немецких экспортёров [Boyse, 2009: 109—110].

Собеседник В. Ратенау, писатель А. Жид, размышлял о сближении двух стран, скорее, в культурно-ценостном ключе. С 1919 г. Жид призывал отделять образ Германии в целом и влияние «пруссачества» на нее (именно с последним ассоциировались милитаризм, культивации силы и другие наиболее отрицательные черты). Для Жида Германия, несмотря на опасные черты ее культуры, была, как и Франция, частью Европы, и было важно, с его точки зрения, не допустить разворота Германии на Восток,

в сторону Советской России. О такой предполагаемой «угрозе» уже с 1920 г. писал Э. Р. Курциус — собеседник Жида по декадам Понтины [Meylan, 1969: 254—258].

Несмотря на разнообразную и разноплановую активность в целях «интеллектуальной демобилизации», развитую во второй половине 1920-х гг., ее практические результаты и достижения нередко оценивались достаточно пессимистично. Крайнеправые и националистические настроения с обеих сторон не исчезали, что подчеркивало хрупкость и относительность достижений «эры Локарно». Визит представительницы немецкой Лиги в защиту прав человека и видного педагога Э. Роттен, приглашенной в Париж в январе 1926 г. Национальным профсоюзом учителей Франции, обернулся скандалом: ее выступление сорвали члены крайне правой политической организации «Аксон франсэз» [Siegel, 2004: 135]. Ввиду опасений перед аналогичными эксцессами, французская сторона сократила анонсы последовавших затем визитов немецких интеллектуалов (писателя Т. Манна, критика А. Керра и философа Г. фон Кайзерлинга). Комментируя эти события, посол Германии во Франции Л. фон Гёш в отчете от 6 февраля 1926 г. писал о прошедшей «неделе интеллектуального сотрудничества» с иронией и сарказмом. Через год настрой фон Гёша был аналогичным: он полагал, что разговоры об «интеллектуальном сотрудничестве» нередко подменяют собой реальность, окрашенную, скорее, в конфликтные тона [Passman, 2008b: 107].

Националистические заявления немецких деятелей, в свою очередь, настораживали французских protagonists «интеллектуальной демобилизации». В феврале 1928 г. Вьено с опасением воспринимал выступления Штреземана в рейхстаге. В них министр иностранных дел Германии, подтверждая свою верность Локарнской политике, критиковал чрезмерные, с его точки зрения, требования Франции в сфере безопасности [Pierre Bertaux, 2001: 184]. Еще одним очевидным изъяном многих предпринимавшихся в 1920-е гг. попыток «интеллектуальной мобилизации» была узость их социальной базы [Guieu, 2002: 102].

Тем самым итоги и перспективы «интеллектуальной демобилизации» во взаимодействии французского и германского социумов, как и официальные отношения двух стран, выглядели к началу 1930-х гг. противоречивыми. Инициатива А. Бриана

по формированию Европейского федерального союза в 1929—1930 гг., ставшая продолжением Локарнской политики, вызвала позитивные отклики у сторонников «интеллектуальной демобилизации» по обе стороны Рейна. Л. Вайс, выражая позицию многих французских интеллектуалов-левоцентристов, считала, что инициатива Бриана должна стать «хартией нового порядка, который мы должны построить или погибнуть, если не сделаем этого» [Weiss, 1930: 2]. Определенным симптомом того, что работа по «интеллектуальной демобилизации» приносила плоды, говорили дискуссии французской и немецкой студенческой молодежи во время совместного похода по Шварцвальду в 1930 г. (его участники составили так называемый кружок Зольберг). Они строили планы «единого фронта» европейской молодежи в деле создания «новой Европы» [Racine, Trebitsch, 1994: 36].

В определенном смысле 1930-й год стал развилкой в процессе франко-германского примирения. Тогда, в лесах Шварцвальда, мирно беседовали люди, чьи судьбы в дальнейшем радикально разошлись. Будущий посол нацистской Германии в оккупированной Франции и большой поклонник французской культуры О. Абетц сидел буквально бок о бок с будущим героем французского Сопротивления П. Броссолетом, замученным гестапо [Naquet, 1990: 53].

Заключение

Можно констатировать, что процесс «интеллектуальной демобилизации» во франко-германских отношениях развивался в 1920-е гг. нелинейным образом. Попытки примирения с противником были относительно редкими в первые послевоенные годы. Доминирующим оставалось представление о взаимной враждебности французов и немцев, о мстительности первых, ставших победителями в войне, и о сохранявшейся агрессивности вторых, потерпевших поражение, но не готовых нести бремя ответственности. Если Рурский кризис ознаменовал собой пик франко-германской напряженности в 1920-е гг., то замаячившая угроза новой войны в Европе, напротив, стимулировала некоторые интеллектуальные и общественные попытки выйти из тупика «наследственной вражды». Все же они оставались немногочисленными

и, как правило, находились в противоречии с доминировавшим дискурсом и содержанием тогдашних отношений между Парижем и Берлином.

Ситуация стала серьезно меняться с 1924 г. Годом позже атмосфера подготовки, а затем заключения Локарнских соглашений активизировала попытки «интеллектуальной демобилизации». Однако к началу 1930-х гг. итоги развития этого процесса оставались противоречивыми, а его перспективы внушали определенную тревогу. Закрытие «скобок войны», как говорили современники, в том числе досрочный вывод французских войск с германских территорий на левом берегу Рейна в 1930 г. был призван открыть новую страницу в отношениях правительств и социумов двух стран. Реальная же ситуация оказалась, скорее, обратной.

На протяжении всего послевоенного десятилетия «интеллектуальная демобилизация» для ее protagonистов и участников по обе стороны Рейна не была целью *per se*. Скорее, она воспринималась как часть более масштабных процессов франко-германского взаимодействия и даже шире — европейской интеграции. При этом видение конечных целей этих процессов различалось в зависимости от целого ряда факторов, в том числе политических убеждений и прагматических интересов тех или иных субъектов. Для французских и немецких коммунистов солидарность рабочих должна была привести к победе над французским и немецким капиталом; для католиков двух стран процесс «интеллектуальной демобилизации» был частью религиозного обновления и сплочения Европы; для ряда центристов сближение Франции и Германии должно было стать основой европейской интеграции. Для бизнеса по обе стороны Рейна, финансировавшего мероприятия по «интеллектуальной демобилизации» (особенно — среди элит), эти усилия были частью своего рода «альянса» лотарингской руды и рурского угля, фундаментом для новой картелизации Европы.

Таким образом, если разнонаправленные попытки по достижению «интеллектуальной демобилизации» и примирению между Францией и Германией после 1918 г. и не были обречены, то достигнутые к концу первого послевоенного десятилетия результаты все же отличались хрупкостью, а потенциал для их дальнейшего развития остался ограниченным.

Список источников

- Громова А. В.* Рихард Николаус Куденхов-Калерги и его идея План-Европы // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 189—197.
- Кораблева А. Е.* Панъевропейский проект Р. Куденхове-Калерги и международные отношения в Европе в 20—30-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Арзамас: Арзамасский государственно-педагогический институт, 2009. 220 с.
- Лазарева А. В.* Борьба немецких интеллектуалов против французского влияния (1635—1648) // Французский ежегодник 2018. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 60—77.
- Советско-германские отношения. 1922—1925 гг.: Документы и материалы. Ч. 1 / ред. кол.: С. Дёрнберг и др. М.: Политиздат, 1977. 408 с.
- Bard Ch.* A Bitter-Sweet Victory: Feminisms in France (1918—1923) // Aftermaths of War: Women's Movements and Female Activists, 1918—1923 / ed. by I. Sharp, M. Stibbe. Leiden: Brill, 2011. P. 197—220.
- Barry G.* Marc Sangnier's War, 1914—1919: Portrait of a Soldier, Catholic and Social Activist // Warfare and Belligerence: Perspectives in First World War Studies / ed. by P. Purseigle. Leiden: Brill, 2005. P. 163—188.
- Bock H. M.* Les associations de germanistes français. L'exemple de la Ligue d'Études Germaniques // Histoire des études germaniques en France (1900—1970) / sous la dir. de M. Espagne, M. Werner. Paris: CNRS, 1994. P. 267—285.
- Bock H. M.* Otto Grautoff und die Berliner Deutsch-Französische Gesellschaft // Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen / Hrsg. v. H. M. Bock. Tübingen: Narr-Verlag, 2005. S. 69—100.
- Bock H. M.* Das virtuelle Europa. Franzosen und Deutsche in europäischen Projekten des Zwischenkriegszeit // Deutschland und Frankreich in der Europäischen Union: Partner auf dem Prüfstand / Hrsg. v. L. Albertin. Tübingen: Narr-Verlag, 2010. S. 31—54.
- Boyce R.* The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 611 p.
- Chaubet F.* Paul Desjardins et les décades de Pontigny. Villeneuve d'Ascq: Septentrion, 2000. 328 p.
- Doucet M.-M.* Quand la France occupait la Ruhr. L'opposition des pacifistes françaises à l'occupation de la Ruhr (1923—1925) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 2018. No. 129—130. P. 48—53.
- Fine M.* A Passion for Action: the Three Political Crusades of Louise Weiss, 1915—1938. Ph. D. (History) Thesis. Los Angeles: University of California, 1997. 351 p.

- Gorguet I.* Les mouvements pacifistes et la réconciliation franco-allemande dans les années vingt (1919—1931). Bern: Peter Lang, 1999. 331 p.
- Guieu J.-M.* Pro-European Activism between the Wars: an Exploratory Assessment // *Comparare — Comparative European History Review*. 2002. No. 1. P. 95—110.
- Guieu J.-M.* Le rapprochement franco-allemand dans les années 1920: esquisse d'une véritable réconciliation ou entente illusoire? // *Les Cahiers Sirice*. No. 15. Paris: Sirice, 2016. P. 25—40.
- Ingram N.* The War Guilt Problem and the Ligue des droits de l'homme, 1914—1944. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019. 293 p.
- Knipping F.* Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ära 1928—1931. Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise. München: Oldenbourg, 1987. 261 S.
- Kuhlman E.* Reconstructing Patriarchy after the Great War: Women, Gender, and Postwar Reconciliation between Nations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. 246 p.
- Les sorties de guerre: Reconstructions nationales et recompositions territoriales / sous la dir. de C. Flateau // *Les Cahiers Sirice*. No. 17. Paris: Sirice, 2016. 82 p.
- Lorrain S.* Des pacifistes français et allemands, pionniers de l'entente franco-allemande (1871—1925). Paris: Harmattan, 1999. 304 p.
- Meylan J.-P.* La Revue de Genève: miroir des lettres européennes, 1920—1930. Genève: Droz, 1969. 522 p.
- Millet Ph.* Ce que pourrait être le plan de la paix // *L'Europe nouvelle*. 1923. 10 mars. P. 291—293.
- Müller G.* Pierre Viénot und das Berliner Büro des Deutsch-Französischen Studienkomitees // Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen / Hrsg. v. H. M. Bock. Tübingen: Narr-Verlag, 2005. S. 53—68.
- Naquet E.* Eléments pour l'étude d'une génération pacifiste dans l'entre-deux-guerres: la LAURS et le rapprochement franco-allemand (1924—1933) // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 1990. No. 18. P. 50—58.
- Passman E.* The Cultivation of Friendship: French and German Cultural Co-operation, 1925—1954. Ph. D. (History) Thesis. Chapel Hill: Univ. of North Carolina, 2008a. 488 p.
- Passman E.* Civic Activism and the Pursuit of Cooperation in the Locarno Era // A History of Franco-German Relations in Europe: From "Hereditary Enemies" to Partners / ed. by C. Germond, H. Türk. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008b. P. 101—112.

- Pierre Bertiaux. Un normalien à Berlin. Lettres franco-allemandes, 1927—1933 / sous la dir. de H. M. Bock, G. Krebs, H. Schulte. Paris: Sorbonne Nouvelle, 2001. 418 p.
- Prat O.* “La Paix par la jeunesse”. Marc Sangnier et la réconciliation franco-allemande, 1921—1939 // *Histoire@Politique*. 2010. No. 10. P. 1—13.
- Racine N., Trebitsch M.* L’Europe avant la pluie. Les intellectuels et l’idée européenne dans l’entre-deux-guerres // *Mélusine*. 1994. No. 14. P. 23—36.
- Rasmussen A.* Réparer, réconcilier, oublier: enjeux et mythes de la démobilisation scientifique, 1918—1925 // *Histoire@Politique*. 2007. No. 3. P. 1—14.
- Reytier M.-E.* La politique allemande de la France et de la Grande-Bretagne dans *L’Europe Nouvelle*, 1918—1924 // *Synergies*. 2011. No. 4. P. 35—49.
- Schroeder-Gudehus B.* Les scientifiques et la paix: La communauté scientifique internationale au cours des années 20. Montréal: Presses de l’Université de Montréal, 2014. 372 p.
- Siegel M. L.* The Moral Disarmament of France: Education, Pacifism, and Patriotism, 1914—1940. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 317 p.
- Sorties de guerre // *Cahiers du CEHD*. No. 32. Vincennes: SHD, 2007. 197 p.
- The Collected Papers of Albert Einstein. Vol. 13 / ed. by D. Kormos Buchwald. Princeton: Princeton Univ. Press, 2012. 414 p.
- Vellacott J.* A Place for Pacifism and Transnationalism in Feminist Theory: the Early Work of the Women’s International League for Peace and Freedom // *Women’s History*. 1993. Vol. 2, no. 1. P. 23—56.
- Weiss L.* Quelques faits nouveaux en Europe Centrale // *L’Europe nouvelle*. 1921. 9 juillet. P. 876.
- Weiss L.* Vœux pour la Fédération européenne // *L’Europe nouvelle*. 1930. 4 janvier. P. 2—3.
- Wilhelm F.* Le Grand-Duché de Luxembourg au croisement des cultures européennes // *Europa zwischen Fiktion und Realpolitik* / L’Europe — fictions et réalités politiques / Hrsg. v. R. Marti, H. Vogt. Bielefeld: Transcript, 2010. S. 207—230.
- Women’s International League for Peace and Freedom.* Report of the Fourth Congress. Washington: Women’s International League, 1924. 178 p.

References

- Bard, Ch. (2011), ‘A Bitter-Sweet Victory: Feminisms in France (1918—1923)’, in Sharp, I. and Stibbe, M. (eds), *Aftermaths of War: Women’s Movements and Female Activists, 1918—1923*, Brill, Leiden, Netherlands: 197—220.

- Barry, G. (2005), ‘Marc Sangnier’s War, 1914—1919: Portrait of a Soldier, Catholic and Social Activist’, in Purseigle, P. (ed.), *Warfare and Beligerence: Perspectives in First World War Studies*, Brill, Leiden, Netherlands: 163—188.
- Bock, H.M. (1994), ‘Les associations de germanistes français. L’exemple de la Ligue d’Études Germaniques’, in Espagne, M. et Werner, M. (dir.), *Histoire des études germaniques en France (1900—1970)*, CNRS, Paris, France: 267—285.
- Bock, H.M. (2005), ‘Otto Grautoff und die Berliner Deutsch-Französische Gesellschaft’, in Bock, H. M. (Hrsg.), *Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen*, Narr-Verlag, Tübingen, Germany: 69—100.
- Bock, H. M. (2010), ‘Das virtuelle Europa. Franzosen und Deutsche in europäischen Projekten des Zwischenkriegszeit’, in Albertin, L. (Hrsg.), *Deutschland und Frankreich in der Europäischen Union: Partner auf dem Prüfstand*, Narr-Verlag, Tübingen, Germany: 31—54.
- Bock, H. M., Krebs, G. et Schulte, H. (dir.) (2001), *Pierre Bertaux. Un normalien à Berlin. Lettres franco-allemandes, 1927—1933*, Sorbonne Nouvelle, Paris, France.
- Boyce, R. (2009), *The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Centre d’études d’histoire de la défense (dir.) (2007), *Cahiers du CEHD*, no. 32: Sorties de guerre, SHD, Vincennes, France.
- Chaubet, F. (2000), *Paul Desjardins et les décades de Pontigny*, Septentrion, Villeneuve d’Ascq, France.
- Doernberg, S. et al. (eds) (1977), *Sovetsko-germanskie otnoshenia 1922—1925 gg. Dokumenty i materialy* [Soviet-German relations in 1922—1925. Documents and materials], pt. 1, Politizdat, Moscow, Russia.
- Doucet, M.-M. (2018), ‘Quand la France occupait la Ruhr. L’opposition des pacifistes françaises à l’occupation de la Ruhr (1923—1925)’, *Matériaux pour l’histoire de notre temps*, no. 129—130: 48—53.
- Fine, M. (1997), *A Passion for Action: the Three Political Crusades of Louise Weiss, 1915—1938*, Ph. D. (History) Thesis, University of California, Los Angeles, California.
- Flateau, C. (dir.) (2016), *Les Cahiers Sirice*, no. 17: Les sorties de guerre: Reconstructions nationales et recompositions territoriales, Sirice, Paris, France.
- Gorguet, I. (1999), *Les mouvements pacifistes et la réconciliation franco-allemande dans les années vingt (1919—1931)*, Peter Lang, Bern, Switzerland.

- Gromova, A. V. (2007), ‘Rikhard Nikolaus Kudenkhov-Kalergi i ego ideia Pan-Evropy [Richard von Coudenhove-Kalergi and his idea of Pan-Europe]’, *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], iss. 20: 189—197.
- Guieu, J.-M. (2002), ‘Pro-European Activism between the Wars: an Exploratory Assessment’, *Comparare — Comparative European History Review*, no. 1: 95—110.
- Guieu, J.-M. (2016), ‘Le rapprochement franco-allemand dans les années 1920: esquisse d’une véritable réconciliation ou entente illusoire?’, *Les Cahiers Sirice*, no. 15: 25—40.
- Ingram, N. (2019), *The War Guilt Problem and the Ligue des droits de l’homme, 1914—1944*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Knipping, F. (1987), *Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ära 1928—1931. Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise*, Oldenbourg, München, Germany.
- Korableva, A. E. (2009), *Pan”evropeiskii proekt R. Kudenkhove-Kalergi i mezhdunarodnye otnosheniia v Evrope v 20—30-e gg. XX veka* [Pan-European project of R. Coudenhove-Kalergi and the international relations in Europe in the 1920—1930s], Ph. D. (History) Thesis, Arzamaskii gosudarstvenno-pedagogicheskii institut, Arzamas, Russia.
- Kormos Buchwald, D. (2012) (ed.), *The Collected Papers of Albert Einstein*, vol. 13, Princeton University Press, Princeton, New Jersey.
- Kuhlman, E. (2008), *Reconstructing Patriarchy after the Great War: Women, Gender, and Postwar Reconciliation between Nations*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Lazareva, A. V. (2018), ‘Bor’ba nemetskikh intellektualov protiv frantsuzskogo vlianiia (1635—1648)’ [The struggle of the German intellectuals against the French influence (1635—1648)], *Frantsuzskii ezhegodnik 2018*, Institut vseobshhei istorii Rossiiskoi Akademii Nauk, Moscow, Russia: 60—77.
- Lorrain, S. (1999), *Des pacifistes français et allemands, pionniers de l’entente franco-allemande (1871—1925)*, Harmattan, Paris, France.
- Meylan, J.-P. (1969), *La Revue de Genève: miroir des lettres européennes, 1920—1930*, Droz, Genève, Switzerland.
- Millet, Ph. (1923), ‘Ce que pourrait être le plan de la paix’, *L’Europe nouvelle*, 10 mars: 291—293.
- Müller, G. (2005), ‘Pierre Viénot und das Berliner Büro des Deutsch-Französischen Studienkomitees’, in Bock, H. M. (Hrsg.), *Französische Kultur im Berlin des Weimarer Republik. Kultureller Austausch und diplomatische Beziehungen*, Narr-Verlag, Tübingen, Germany: 53—68.
- Naquet, E. (1990), ‘Eléments pour l’étude d’une génération pacifiste dans l’entre-deux-guerres: la LAURS et le rapprochement franco-allemand

- (1924—1933)', *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, no. 18: 50—58.
- Passman, E. (2008a), *The Cultivation of Friendship: French and German Cultural Cooperation, 1925—1954*, Ph. D. (History) Thesis. Thesis, University of North Carolina, Chapel Hill.
- Passman, E. (2008b), 'Civic Activism and the Pursuit of Cooperation in the Locarno Era', in Germond, C. and Türk, H. (eds), *A History of Franco-German Relations in Europe: From "Hereditary Enemies" to Partners*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK: 101—112.
- Prat, O. (2010), "La Paix par la jeunesse". Marc Sangnier et la réconciliation franco-allemande, 1921—1939', *Histoire@Politique*, no. 10: 1—13.
- Racine, N. et Trebitsch, M. (1994), 'L'Europe avant la pluie. Les intellectuels et l'idée européenne dans l'entre-deux-guerres', *Mélusine*, no. 14: 23—36.
- Rasmussen, A. (2007), 'Réparer, réconcilier, oublier: enjeux et mythes de la démobilisation scientifique, 1918—1925', *Histoire@Politique*, no. 3: 1—14.
- Reytier, M.-E. (2011), 'La politique allemande de la France et de la Grande-Bretagne dans *L'Europe Nouvelle*, 1918—1924', *Synergies*, no. 4: 35—49.
- Schroeder-Gudehus, B. (2014), *Les scientifiques et la paix: La communauté scientifique internationale au cours des années 20*, Presses de l'Université de Montréal, Montréal, Canada.
- Siegel, M. L. (2004), *The Moral Disarmament of France: Education, Pacifism, and Patriotism, 1914—1940*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Vellacott, J. (1993), 'A Place for Pacifism and Transnationalism in Feminist Theory: the Early Work of the Women's International League for Peace and Freedom', *Women's History*, vol. 2, no. 1: 23—56.
- Weiss, L. (1921), 'Quelques faits nouveaux en Europe Centrale', *L'Europe nouvelle*, 9 juillet: 876.
- Weiss, L. (1930), 'Vœux pour la Fédération européenne', *L'Europe nouvelle*, 4 janvier: 2—3.
- Wilhelm, F. (2010), 'Le Grand-Duché de Luxembourg au croisement des cultures européennes', in Marti, R. und Vogt, H. (Hrsg.), *Europa zwischen Fiktion und Realpolitik / L'Europe — fictions et réalités politiques*, Transcript, Bielefeld, Germany: 207—230.
- Women's International League for Peace and Freedom (1924). *Report of the Fourth Congress*. Women's international league, Washington, D. C.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принятая к публикации 24.11.2022.

The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 24.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

И. Э. Magadeev — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, факультет международных отношений, Московский государственный институт (университет) международных отношений, Россия.

I. E. Magadeev — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of European and American Studies, School of International Relations, Moscow State Institute (University) of International Relations, Russia.